

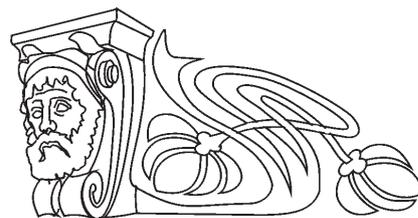
УДК 140.8

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОГО

Городнёва Марина Станиславовна –

кандидат философских наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и лингвистики,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.

E-mail: gorodnevams@gmail.com

В статье исследуется проблема соотношения глобализации и феномена религиозного в современную эпоху. Особое внимание уделяется рассмотрению специфики возникающих противоречий в религиозном сознании под воздействием глобализационных процессов. Глобализация рассматривается как комплексное явление, включающее в себя совокупность многих элементов социальной реальности. Открытость и массовость позволяют формировать религиозную идентичность опосредованно от национальной и культурной составляющих. Таким образом, массовые формы религиозности превращаются в один из продуктов, транслируемых обществом потребления. Проводится различие между «формальной религиозностью» как неким продуктом и личным переживанием сакрального, лежащим в основе любого духовно-религиозного действия. Автор исследует тенденции религиозного формализма и утилитаризма, возникающие как следствие трансформации традиционных форм религиозности.

Ключевые слова: религиозное сознание, глобализация, секуляризация, атеизм, самоидентификация, постмодерн, индивидуализм, религия, плюрализм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-13-16

В третьем тысячелетии человечество вступило в новую эпоху «под знаменем» глобализации. Существует множество исследований, посвященных данной тематике, осмысляющих специфику социальной реальности в происходящих процессах и дающих некие прогнозы. Например, современная социология активно применяет для анализа социальных процессов концепции глобализации [1, с. 351]. Согласно И. Валлерстайну, глобализация лишила государства суверенности, человека – возможности сопротивляться правилам рынка, аннулировала право на культурную автономию, поставила под серьезное сомнение стабильность нашей идентичности [2].

Большинством авторов глобализация понимается как явление экономическое и политическое, иногда исследуется культурная глобализация, однако в гораздо меньшей степени изучен пласт, связанный с процессами, протекающими в религиозной сфере. «Сегодня социальная динамика глобальных процессов напрямую связана с капитализмом, с его западноевропейской моделью, что актуализирует ценность социальной справедливости и равноправия как на индивидуальном, так и на институциональном уровне» [3, с. 36].

К началу XXI в. глобализация перестала быть только предметом теоретических споров и

политических дискуссий, она стала социальной реальностью, обладающей следующими параметрами:

- интенсификацией трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей;
- исторический период (историческая эпоха), наступивший после завершения холодной войны;
- трансформацией мировой экономики, направляемой анархией финансовых рынков;
- триумфом американской системы ценностей, обеспеченным комбинацией нелиберальной экономической программы с программой политической демократизации;
- ортодоксальной идеологией, настаивающей на неизбежной кульминации мощных тенденций работающего рынка;
- технологической революцией с многочисленными социальными последствиями;
- неспособностью национальных государств справиться с глобальными проблемами (демографическими, экологическими, прав человека и распространения ядерного оружия), требующими глобальных решений [4, с. 529].

Можно выделить нечто общее в стратегиях глобализации:

- тенденцию становления единого, глобального;
- противоположную, столь же объективную тенденцию локализации обществ;
- наличие альтернативных стратегий и сценариев глобализации;
- нарастание процессов цивилизационного противостояния и, как выражение этого, усиление роли религиозного фактора во взаимодействии обществ, а также изменение роли национальных государств [2, с. 184].

Таким образом, глобализация представляет собой комплексное явление, которое, помимо прочего, интенсивно воздействует и на религию, религиозное поведение, мышление. С другой стороны, религия, связанная с традиционными институтами, ценностями, мировосприятием, должна реагировать на современные глобализационные процессы. С развитием новых технологий и средств коммуникации глобализация усиливает свои позиции. В сфере религиозно-со-

циального она конструирует некий религиозный «глобал-маркет», функционирующий по рыночному принципу свободы предложения и выбора. В этом отношении можно говорить о наличии религиозного продукта. «Индивидуализм общества потребления качественно отличается от индивидуализма эпохи Возрождения или прочих его исторических форм. Его можно характеризовать как гедонистический, обывательский, массовый» [5, с. 62]. Однако, с другой стороны, современный человек имеет возможность и право формировать свою идентичность безотносительно к религиозной и этнокультурной принадлежности, территориальному расположению.

Детерриториализация религии – это логическое следствие происходящего. В нашу эпоху религия опосредованно связана с местом возникновения и территориальной локализацией, она становится все более транснациональной, что приводит к ее функционированию поверх традиционных конфессиональных, политических, культурных и цивилизационных границ [1, с. 352]. Любая из существующих религий в современных условиях способна найти последователей там, где исторически их никогда не было, и лишиться их в своих традиционных регионах [6, с. 107]. Современная глобальная религиозность – американизованная по происхождению и во многом содержательно протестантская. Субъектом выбора становится отдельная личность, в онтологическом ключе смысл глобальной религиозности ориентирован на индивидуальную реализацию с высокой степенью вовлеченности.

Вестернизация и модернизация усиливают процесс секуляризации, нивелируются традиционные религии и культуры. Учёные, придерживающиеся этой точки зрения, трактуют глобализацию негативно по отношению к религии. Не следует отрицать реальности процесса секуляризации, однако необходимо признать активное участие религиозной сферы в глобализационных процессах: секуляризация и религиозная динамика взаимосвязаны и взаимозависимы.

Согласно М. Ризебротту, религиозность доминировала в сфере экзистенциальных рисков, возникающих от невозможности контролировать процесс и результат некоторых областей человеческой практики [7]. С ростом науки и техники область контроля расширяется, что обусловило возрастающую секуляризацию. Указанные тенденции актуализировались не только в повседневной трудовой практике, но и в политике; религиозные учения, дающие трактовку глобальной исторической динамики, частично замещались и смешивались с национально-политическими версиями, при этом теряя свой метаисторический контекст.

Ориентация западной цивилизации на конформизм вызвала ряд экзистенциальных проблем, связанных с прагматической направленностью и техногенной доминантой бытия индивида в рамках данной культурной формы. Примат «эффективности», «целесообразности» и «прагматичности» повсеместно вытесняет основы религиозной этики из экономики и политики: «Эти процессы объективно снизили значение религии в различных аспектах человеческой жизни и резко ограничили ее влияние сферой индивидуальных духовных потребностей» [7, с. 107].

Однако то, что дало опору секуляризации, породило новую волну экзистенциальных рисков, связанных с превалирующим технико-технологическим господством человека над природой. Попытка преодоления возникшего экзистенциального вакуума сокрыта в феномене «возрождающейся религии». В этой связи секуляризация и религиозный ренессанс диалектично взаимосвязаны.

Эпоха глобализации неизбежно приводит к осязаемым метаморфозам религиозного сознания. Информационная и культурная открытость, не специфичная для традиционного типа общества, делает невозможным абсолютное доминирование той или иной религиозной доктрины в сознании индивида. Даже при ортодоксальном воспитании субъект не может быть полностью изолирован от внешних влияний. Такая открытость создает новую степень индивидуальной свободы в вопросах религиозного, не доступную в традиционном обществе. Благодаря современным средствам коммуникации интеграция человека в общечеловеческую культуру приобретает всесторонний характер: «Новые средства коммуникации порождают новую конфигурацию субъекта, отличительной чертой которого является децентрация, а в пределе – всеприсутствие» [7, с. 108].

Современное религиозное сознание противоречиво, многие противоречия существовали в различных исторических ситуациях, среди них: противостояние материализма и идеализма, выраженное в дихотомии атеизма и религиозности; между верой и разумом; между опытом и догматикой. В глобализирующемся социуме наиболее актуальны такие функции религии, как идеологическая и экзистенциально-психологическая (компенсаторная). Реализуя их, религия становится средством обретения культурной идентичности через конфессиональную самоидентификацию и является внутренней составляющей мировоззрения, отражающей специфику проявления религиозного чувства [5, с. 63].

Современность плюралистична, эпоха пост-модерна заставляет субъекта отказаться от четких рамок, ориентиров, догм той или иной традиции, отсутствуют четкие ориентиры в том, что истинно или ложно, верно или неверно и т.д. В данной ситуации религия способна стать способом самоидентификации не только конкретного индивида, но и массового сознания.

Одним из вариантов заполнения идеологического вакуума может стать религия, продуцирующая в широкие социальные пласты так называемую «формальную» религиозность. Она основана на глубоком равнодушии к вопросам религии, веры и духовного совершенствования при демонстративном соблюдении культовой стороны [8, с. 103–104]. С точки зрения американского ученого Ф. Фукуямы, подобный тип религиозной практики «полезен для сообществ». Люди обнаруживают, что «их жизнь беспорядочна, что их детям нужны ценности и нормы или, что они изолированы и дезориентированы; они обращаются к определенному вероисповеданию не потому, что они стали истинно верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка и общения» [9, с. 327].

Отличительной чертой традиционной религиозности является этнопсихологическая самоидентификация личности с историческим самосознанием народа, несмотря на изначально надэтнический характер исповедуемых религий, будь то христианство, ислам или буддизм [8, с. 104]. Идентичность с культурой, народом, религией дают человеку ощущение стабильности социальной жизни, что передается из поколения в поколение. Однако с развитием научного знания основы религиозного мирозерцания изрядно размылись. Более того, в условиях глобальных изменений и процессов разрушается сама основа традиционной религиозности – этнокультурная и психологическая целостность бытия больших коллективов, утрачивается связь поколений. Иными словами, принадлежность к конкретной религиозной традиции и сама конфессиональность становится личным выбором каждого.

Тема «формальной» религиозности становится актуальной в связи с противостоянием севера и юга, борьбой деноминаций внутри ислама, однако следует понимать, что «формальная» религиозность не всегда связана с фундаментализмом и разного рода конфронтациями. Проявление «формальной» религиозности в современной глобальной культуре России наглядно представлено в увеличении числа прихожан в храмах традиционных конфессий, однако, по мнению Д. Белла, религия переживает расцвет везде, кроме западной Европы [10, с. 77].

Безусловно, глобализация представляет собой противоречивый процесс. В отношении феномена религиозного глобализация действует двояко: она несет в себе как унифицирующие тенденции, так и стратегии поиска новых форм проявления традиционного, отсюда следующие дихотомии: традиционная религиозность – религиозность как личное чувство. Первое основано на авторитете и подчинении, второе укоренено в индивидуализме и либерализме. Из этого логично следует противоречие между тенденцией к унификации сознания конфессионально ориентированных индивидов и индивидуализации религиозных представлений каждого верующего. Обостряется этот факт, с одной стороны, ростом самостоятельности мышления, духовной независимости, доступности информации, а с другой – проявлением конформизма в связи с поисками культурной идентичности [5, с. 65]. Впервые в истории появляется возможность передать всему человечеству универсальную суть каждой религиозной традиции, проявить их структурные и концептуальные особенности, сопоставить и предоставить индивиду выбор доктрины той или иной веры.

Таким образом, перед гуманитарной наукой стоит задача выработки светских оснований, являющихся общечеловеческими объединяющими началами для всех религиозных организаций, что в перспективе будет способствовать развитию межконфессиональных отношений. Для этого необходимы междисциплинарные знания о различных этносах, следует «выработать новую теоретическую базу для их изучения с целью формирования сбалансированных стратегий и тактик межкультурного диалога» [11, с. 46], благодаря чему возможно бесконфликтное воздействие мировых глобализационных процессов на локальные культуры, поведенческие модели и картины мира отдельного человека.

Список литературы

1. *Королева Е. В.* Новые религиозные движения в эпоху глобализации // Л. Н. Гумилев атындагы ЕҰУ Хабаршысы. 2010. № 1 (74). С. 351–358.
2. *Валлерстайн И.* Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир системы // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1, № 4. URL: <http://www.archipelag.ru> (дата обращения: 11.01.2014).
3. *Орлов М. О.* Динамика глобализирующейся экономики в контексте дискурсивного управления : стратегии Европы и Китая // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 36–40.
4. *Kacowicz A. M.* Regionalization, globalization, and nationalism : Convergent, divergent, or overlapping? //

Alternatives: Social transformation and humane governance. 1998. № 4 (24). P. 522–531.

5. Ерофеева К. Л. Религиозное сознание эпохи глобализации : некоторые противоречия // Вестн. Иванов. гос. энергетич. ун-та. 2009. Вып. 1. С. 62–65.
6. Петров Д. Б. Социальное и религиозное в структуре субъекта // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2008. № 1 (14). С. 106–111.
7. Riesebrodt M. Religion in global perspective // Global Religions : an Introduction / ed. by M. Juergensmeyer. Oxford, 2003. P. 95–109.
8. Баранников В. П., Матронина Л. Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социс. 2004. № 9. С. 102–107.
9. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2008. 480 с.
10. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М., 2007. 304 с.
11. Листвина Е. В., Орлов М. О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. № 1. С. 174–189.

Globalization and the Phenomenon of Religious

M. S. Gorodneva

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: gorodnevams@gmail.com

The article studies the problem of the relationship between globalization and the religious phenomenon in the modern era. Special attention is paid to the specifics of the conflicts in religious consciousness under the influence of globalization processes. Globalization is seen as a complex phenomenon, includes a combination of many elements of social reality. Open and participatory modernity allows you to shape religious identity indirectly from national and cultural component. So, mass forms of religiosity are transformed into one of the products, broadcast consumer society. A distinction is made between «formal religiosity» as a kind of product and personal experience of the sacred, underlying all spiritual and religious activities. The author explores the trends of religious formalism and utilitarianism, arising as a consequence of the transformation of traditional forms of religiosity.

Key words: religious consciousness, globalization, secularism, atheism, identity, postmodern, individualism, religion, pluralism.

References

1. Koroleva E. V. Novye religioznye dvizheniya v epokhu globalizatsii (New religious movements in the era of

globalization). *L. N. Gumilev atyndagy ENU Khabarshisy* (L. N. Gumilev journal Habarshisi), 2010, no.1 (74), pp. 351–358.

2. Wallerstein I. Globalization or transitional era? Look at the long-term development of the world system. *International Sociology*, 2000, no. 2 (15), pp. 251–267. (Russ. ed.: Wallerstein I. Globalizatsiya ili perekhodnaya epokha? Vzglyad na dolgosrochnoe razvitiye mir sistemy. *Russkiy istoricheskiy zhurnal*, 1998, vol. 1, no. 4). Available at: <http://www.archipelag.ru> (accessed 11 September 2014).
3. Orlov M. O. Dinamika globaliziruyushchey ekonomiki v kontekste diskursivnogo upravleniya (The dynamics of a globalizing economy in the context of discursive control: strategy Europe and China). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012, vol. 12, iss. 3 (12), pp. 36–40.
4. Kacowicz A. M. Regionalization, globalization, and nationalism: Convergent, divergent, or overlapping? *Alternatives: Social transformation and humane governance*, 1998, no. 4 (24), pp. 522–531.
5. Erofeeva K. L. Religioznoe soznaniye epokhi globalizatsii: nekotorye protivorechiya (The religious consciousness of the era of globalization: some contradictions). *Vestn. Ivanov. gos. energetich. un-ta* (Vestnik IGEU), 2009, no. 1, pp. 62–65.
6. Petrov D. B. Sotsialnoye i religioznoye v strukture subekta (Social and religious structure in the subject). *Vestn. Povolzhsk. akad. gos. sluzhby* (Bulletin of the Volga region Academy for civil service), 2008, no. 1 (14), pp. 106–111.
7. Riesebrodt M. Religion in global perspective. *Global religions: an introduction*. Ed. by M. Juergensmeyer. Oxford, 2003, pp. 95–109.
8. Barannikov V. P., Matronina L. F. Dinamika religioznosti v informatsionnom obshchestve (Dynamics of religiosity in the information society). *Sotsis (Socis)*, 2004, no. 9, pp. 102–107.
9. Fukuyama F. *The Great disruption: Human nature and the reconstitution of social order*. New York, 1999. 460 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. *Velikiy razryv*. Moscow, 2008. 480 p.).
10. Bell D., Inozemtsev V. *Epokha razobshchennosti. Razmyshleniya o mire XXI veka* (The era of disunity. Reflections on the world of the XXI century). Moscow, 2007. 304 p.
11. Listvina E. V., Orlov M. O. Zhiznennoye prostranstvo tsivilizatsiy (Living space civilizations). *Filosofiya i obshchestvo* (Philosophy and society), 2007, no. 1, pp. 174–189.